

13.03.98

Проккофьев Олег

• Персона

В тени великого отца

Июль-1998. - 13 марта. - с. 6.

Среда обитания англичанина Олега Прокофьева, который родился в Париже, а с семи до сорока трех лет прожил в СССР, — вся мировая культура вне времени и географических понятий. Его родители встречались в доме у Сергея Рахманинова. Он снимался с Чарли Чаплиным в любительском фильме «Похищение ребенка». «Не только московским детям, но и своим собственным» его отец сделал подарок — музыкальную сказку «Петя и волк», которую читали на сцене и записывали на пластинки Вера Марецкая, Жерар Филип, Элеонора Рузвельт.

Сейчас его дом — на изумрудном склоне рядом со старинным гринвичским парком. Его сосед и добрый знакомый — знаменитый дири-

жер сэр Эдвард Даунс. С Геннадием Айги они много лет читают друг другу свои стихи. Телевидение Роттердама записало его беседу с Валерием Гергиевым. После смерти матери он продолжал общаться с «гостем из будущего» — Исайей Берлиным. Художник Олег Прокофьев, по его признанию, долго чувствовал себя под гнетом великого имени отца — композитора Сергея Прокофьева.

За несколько дней пребывания в Москве Олег Прокофьев показал свои картины на выставке «Арт-Манеж», участвовал в конференции, посвященной С.С.Прокофьеву в Центральном музее музыкальной культуры имени Глинки; там же, в музее, развернута экспозиция его работ.

Фото Сергея НОВОСЕЛОВА.

— Некоторые зарубежные издания, посвященные Сергею Сергеевичу Прокофьеву, публикуют ваши детские рисунки. Вы учились в московской художественной школе, а позже стали учеником выдающегося живописца.

— Как известно, в 1948 году, Суриковский институт превратился в прах: из него убрали скульптора Матвеева, Осмеркина. Состав преподавателей заполнился почти сплошь кондовыми реалистами. Тогда я продолжил обучение у Роберта Фалька частным образом. Отец приезжал однажды к нему по этому поводу. Постановление 1948 года, где в ряду формалистов Прокофьев назван первым, все перевернуло. Музыку отца почти перестали исполнять, он сам остался без средств и платить за меня Фальку, конечно, не мог. И тогда Фальк стал заниматься со мной бесплатно, сказав: «Отдадите, когда сможете». Я вернул ему все после 1953 года, когда умер отец и я стал получать долю от авторских отчислений.

— Постановление ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» было не единственной трагедией вашей семьи, случившейся в феврале 1948 года.

— Да, под вечер 20 февраля арестовали маму. Квартиру, где мы остались вдвоем с братом (отец ушел от нас еще перед войной), всю ночь обыскивали. В одну из комнат сложили все, что предназначалось для конфискации: письма, фотографии, записные книжки, книги на иностранных языках и зарубежные пластинки, и опечатали. Позже я узнал, что отец у себя на даче в это же время сжег комп-

лект журналов «Америка» и книгу «Защита Лужина» В.Набокова, которую очень любил. Я тоже восхищаюсь Набоковым и рад был встретиться с ним много лет спустя, уже за границей.

Надо признаться, с пломбой мы тогда поступили не очень почтительно. Нам без труда удалось ее взломать, и мы подменили отцовские пластинки на какие-то другие с заграничными наклейками, которые купили на базаре. Так удалось кое-что спасти. Ведь у отца были прекрасные записи классической и джазовой музыки.

— Я знаю, что вы много хлопотали о матери: нанимали адвокатов, писали прошения. Вы с братом сообщили о ее аресте отцу. Он жил тогда на даче, на Николиной Горе, и от Святослава Сергеевича я знаю, что путь от Перхушково до Николиной Горы — 13 километров — пришлось пройти пешком по февральскому морозу.

— Мы разговаривали с отцом на улице. Когда Святослав сказал ему о том, что случилось, он повернулся и отошел прочь. Потом вернулся, и нас пригласили в дом, напоили чаем.

— Знали ли вы, что его самого тогда вызывали на Лубянку?

— Нет, об этом я узнал только недавно. Маму осудили на 20 лет строгих лагерей, из них она отсидела шесть. Когда она вернулась, и у меня, и у брата уже были свои семьи, родились сыновья. Когда ее дело пересматривалось, о ней спрашивали у Бориса Леонидовича Пастернака — «наш» ли она человек. Пастернак отвечал, что не знает — «наш» или «не наш», но знает, что она порядочный чело-

век. Он ведь очень дружил с мамой и очень ее уважал. Когда я всерьез занялся поэзией, я решил пойти показать ему мои стихи, и он очень по-доброму ко мне отнесся. Это было за несколько месяцев до его смерти.

— В ваших стихах, по-моему, как-то удивительно складывается неброская лиричность и сдержанная красота английской природы. А вот корни этой поэзии — это прежде всего Пастернак. Впрочем, и Цветаева, Заболоцкий, Анненский, Хлебников.

— Да, это, конечно, так, но путь, если говорить о стихах, был непростой. В конце 40-х годов я познакомился с Соней Фейнберг, падчерицей композитора и пианиста Самуила Евгеньевича Фейнберга. Она тоже писала стихи, и поэты, с которыми мы тогда общались, были совсем другими. Это были «лианозовцы» — Генрих Сапгир, Игорь Холлин; то, что было в их поэзии сюрреалистичного, нарочито примитивистского, урбанистского, — все это было как «антипастернаковские» прививки.

Мы с Соней поженились, причем заявление в загс подали 1 марта 1953 года, я собирался представить ее отцу, но он умер 5 марта. Мы прожили с Соней 6 лет, сейчас она известная писательница. Наш сын Сергей занимается философией, он — автор солидного труда, в котором развивает учение Рудольфа Штайнера. Когда я был женат — не писал стихов, может быть, потому, что их писала жена. Когда разошлись — стал писать очень много.

— На Западе широко известно имя Камиллы Грей, вашей второй жены.

— Она, Камилла Грей, приехала в Москву продолжать занятия балетом. Но 23 года для московской балетной школы — это слишком много. К тому же ее заинтересовал русский живописный авангард. Она ведь была из очень интеллигентной семьи — ее отец был хранителем восточного департамента Британского музея.

Обаятельная, полная жизни, Камилла вызвала к себе доверие, и даже директор Третьяковки разрешил ей не только знакомиться с запасниками, но и фотографировать.

Представляю, как он был потрясен, когда через два года увидел уже изданную книгу о русском авангарде. Позже она увлеклась конструктивизмом, устроила в Лондоне выставку, посвященную конструктивизму. От нее все ждали новой книги. Когда я спрашивал ее об этом, она говорила: «Это все — во мне. Я потом сяду и напишу все за несколько месяцев». Наверное, последнюю выставку она подготовила в начале 1971 года в СССР. Тогда приезжали Б.Бриттен с П.Пирсом, был большой прием в британском посольстве, был очень нервничавший почему-то Кастаки...

Когда Камилла ждала второго ребенка, мы поехали в Сухуми. Там она заболела гепатитом и умерла в местной больнице 17 декабря 1971 года. Ей было 35 лет и семь месяцев.

29 декабря я уехал в Англию — хоронить жену. Там, в Лидсе, я получил стипендию университета, а с 1974 года живу в Лондоне.

Когда я переехал в Англию, я опять перестал писать стихи. У меня опять появилась семья. И, как ни странно, еще одна трагедия

вернула меня к поэзии. Мой сын Квентин, родившийся в 1978 году, заболел лейкемией, он умер в четыре года. Когда он заболел, я опять стал писать. Поэтический сборник «Зерна» посвящен сыну, хотя стихов, непосредственно с ним связанных, там мало. Смерть, как жизнь, — это великая тайна. Среди стихов любимого мною Фета меня особенно волнуют стихотворения о смерти. Одно время у меня даже была идея составить небольшую антологию — русские поэты о смерти, и сделать к ней свои комментарии.

— Сергей Сергеевич увлекался Christian Science. А вы религиозны?

— Да, но, вероятно, не в прямо церковном смысле. Камилла была воспитана в католической строгости и считала, что наш с Соней брак не удался из-за того, что он не был освящен церковью. Тогда перед женитьбой я крестился в католичество в одном из храмов Вильнюса. Русская православная церковь и церковь в Европе очень отличаются друг от друга.

С моей женой Фрэнсис у нас родилось пять детей. Сейчас, глядя на них, я думаю, что недооценивал свое парижское детство. Думаю, что недооценивали его и родители, они, наверное, вообще не понимали, насколько это важно — детство. Нельзя семилетнего ребенка вырывать из его привычного уклада и везти в большевистскую Россию 1936 года. Мне кажется, если бы родители вообще были ближе к своим детям и стремились понять их, может быть, не было бы в XX веке двух таких жестоких войн.

Наталья САВКИНА.